

УДК 821.161.1.09"1917/1991"; 81.374.3

О.Г. Згировская

Соматический код культуры в словаре В.И. Даля

В статье рассмотрен соматический код, проанализированы способы языковой репрезентации концепта «волосы» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, сделаны выводы о способах фиксации культурно значимой информации.

Ключевые слова: лексикографирование культуры; соматический код культуры; культурный компонент; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Среди кодов культуры наиболее древним можно считать соматический, или телесный, код [3]. Человек изучает окружающий мир, сопоставляет и отождествляет его с самим собой. Действительно, один из основных принципов познания мира — антропоморфизм, перенесение образа человека и его свойств на предметы, явления природы, абстрактные понятия и т. д. [5: с. 35].

Формируя в сознании модель мира, люди пользуются наименованиями частей своего тела — соматизмами. Отсюда такое обилие в языке антропоморфных метафор и фразеологических единиц (ФЕ), основанных на сопоставлении явлений и предметов с частями тела человека (например: *под носом, на носу, рукой подать, за спиной, по колено, по сердцу* и др.)

В статье речь пойдет о соматическом (телесном) коде культуры, который определяется как «совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные <...> и количественные <...> характеристики, <...> а также пространственные и временные их “измерения”, которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков “языка” культуры» [2: с. 99]. В данной работе впервые исследуются способы представления соматического кода культуры в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Триада «я — здесь — сейчас», обозначающая доминанты антропоцентризма, отражается и в особенностях соматического кода, который закреплен в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фондах языка. Различные части тела человека приобретают символичные функции, несут эталонные и стереотипные представления (см., например, «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович). При этом культурный вес соматизмов неодинаков: в рамках одной культуры есть более и менее значимые части тела, различается роль соматизмов и в разных культурах.

Мы обратимся к важной, но не вполне исследованной, на наш взгляд, составляющей соматического кода культуры, а именно к волосам, и проследим, как это отражает В.И. Даль. Названный соматизм рассматривается Г.Е. Крейдлиным и Л.А. Хедес с позиций семантики и невербальной семиотики [4], однако мы предлагаем изучить его с точки зрения лингвокультурологии, используя принципы лингвокультурологического анализа.

Прежде всего отметим, что В.И. Даль определяет *волосы*, исходя из непосредственной связи семантики с биологическим фрагментом русской языковой картины мира: «роговистые, трубчатые нити, растущие на теле человека и большей части млекопитающих» [1: т. 1, с. 239]. В современных словарях слово волос имеет сходное толкование: «одно из многочисленных роговых нитевидных образований, вырастающих на коже человека, животного; волосина» [6: с. 146]. Из обоих толкований следует, что волос сближается с нитью, т. е. тонким волокном. Волос и нить имеют общие образные концептуальные признаки, которые реализуются в эксплицитно выраженных семах *тонкий*, *хрупкий*, *мельчайший*. Именно на основании этих признаков возникли синонимичные фразеологизмы со значением «оказаться в опасности»: висеть на ниточке и висеть на волоске. Согласно «Большому фразеологическому словарю русского языка» *волосок* в этих ФЕ выступает эталоном «чего-то тонкого, слабого, недостаточно надежного, чтобы выдержать тяжесть нависшей угрозы» [7: с. 114]. Подтверждает такое толкование и древнегреческий миф о дамкловом мече, висящем на конском волосе, который в любой момент может порваться. Действительно, если жизнь висит на волоске, это повод за нее опасаться: связующая нить тонка и ненадежна.

Волос становится также метрическим эталоном: он обозначает мельчайшую частицу целого, сближаясь в этом значении в первую очередь с ниткой, а также с каплей, крошкой и т. п., например:

На волос не уснул [1: т. 4, с. 532]. Волоса не уступлю [1: т. 1, с. 239]. Волос-в-волос (точь-в-точь) [1: т. 1, с. 9]. Ни крохи, ни зерна, ни капли, ни волосу [1: т. 1, с. 704].

Отметим толкование слова *артерия*: «боевая жила, алокровная; артерии несут алую кровь из сердца по всем частям тела, откуда она, через тончайшие волосные сосуды, возвращается венами (обратными, чернокровными)» [1: т. 1, с. 25]. В этом случае очень тонкие сосуды названы волосными; прилагательное *волосовой* (*волосной*) толкуется в словаре следующим образом: «волосовой, тонкий как волос». Сравнение с волосом сохраняется и при описании тонкого голоса:

Голосок, что бабий волосок (тонок да долог) [1: т. 1, с. 33]. У нее голосок не кишка, а волосок [1: т. 1, с. 113]! Молодец со слона, а голосок с волосок, и пришепetyвает [1: т. 1, с. 477]!

Волос в русской картине мира — в ее отражении ФЕ — не просто мельчайшая, но предельная, неделимая единица: можно сделать что-то *до волоса*, т. е. полностью, до конца.

Волос осмысляется как мельчайшая составная часть человека, которому он принадлежит: происходит метонимический перенос значения с части на целое:

Он волоса его не стоит. Волосом не трону (не обижу) [1: т. 1, с. 239]. Раскатить — разругать, разбранить, расхаять, не оставив доброго волоса [1: т. 4, с. 59].

Если у человека каждый волос в чем-то, то сам человек полностью в этом же:

У богатого всякий волос в масле, а у бедного и в кашу нет [1: т. 1, с. 239]. Шампанское в серебряных передачах — а последний волос в долгу [1: т. 3, с. 43]!

(Ср. параллельные ФЕ с соматизмами, называющими органы или части тел живых существ, со значением «предельность», «минимальность»: «Коготок увяз — всей птичке пропасть».)

При этом волос, будучи мельчайшей частью человека, воспринимается как необходимая, хоть и не самая ценная, составляющая:

С дурака только горсть волос. Голова по волосам не плачет [1: т. 1, с. 239].

У человека есть более важные части тела и органы, без которых невозможно его существование, например голова в целом:

Сняв голову, по волосам не плачут. Хороши были волосы, да отрубили голову [Там же].

Более того, волосы никак не прибавляют их обладателю ума — наоборот, по народным представлениям, существует обратная зависимость между длиной и обилием волос и интеллектуальными способностями человека:

Волосу многоноcko, а разуму маленько [Там же]. Волос долог, да ум короток [1: т. 1, с. 473].

Длинные волосы — неотъемлемый атрибут женщины, поэтому нелестная характеристика переносится на нее. В пословицах и поговорках отмечаются и другие приписываемые ей недостатки, например склонность распространять слухи и сплетни:

Волос долог, а язык длинней [1: т. 1, с. 452]. Ни голосу, ни волосу не верь [1: т. 1, с. 341].

Волосы также могут отражать эмоциональное состояние человека:

Волосы становятся дыбом, от ужаса, негодования. Раздумаешь умом, так волосы дыбком [1: т. 1, с. 521]!

В этих случаях волосы выступают как активный производитель действия; человек, охваченный сильным чувством (как правило, негативным), не может на них повлиять.

Эмоциональное и рациональное связаны в этнокультурных представлениях о волосах. Они не просто часть тела, а способ донести до окружающих полезную информацию, транслировать сообщение. С ними связано множество обрядов и традиций, которые были важной частью народной культуры. Нормой

считалось состояние, когда волосы приведены в порядок: ухожены, расчесаны, приглажены, даже намавлены или напомажены (что можно расценивать как роскошь или щегольство). У мужчин волосы подстрижены, у женщин — заплетены в косы. Это необходимая составляющая внешнего облика, ведь порядок должен быть во всем. Если человек отклоняется от нормы, это вызывает порицание. Спутанные, всклокоченные, нечесанные и неподстриженные волосы свидетельствуют о том, что у него что-то не в порядке:

Что волосы взъерошил, ты бы огладился [1: т. 2, с. 664]. Крестьянину не давай обростать, а постригивай его [1: т. 3, с. 357]. Возьми-ка гребень, да порасчешись, космач [1: т. 3, с. 327]!

В словаре зафиксировано около тридцати узуальных и диалектных лексем, характеризующих и называющих человека, у которого волосы не приведены в порядок: *волосастый, исключенный, косматый, кудлатый, нечесанный, раскосмаченный; захухря, захухряй, космач, космыль, кудлатка, кудлашка, нечеса, растрепана* и др. Единицы такого типа обладают ярко выраженной отрицательной коннотацией.

По поверьям, нечисть (антропоморфная по внешнему виду) имеет длинные нечесанные волосы и нарушает связанные с волосами нормы приличия:

Баба-яга костяная нога: <...> она *простоволоса* и в одной рубахе, без опояски: то и другое — *верх бесчиния* [1: т. 1, с. 33].

РУСАЛКА <...> в малорос. это некрещенные дети; они наги, *с распущенными волосами*, прельщают, заманивают, щекотят до смерти, топят и пр. *Ходит, как русалка (о девке, нечесаная* [1: т. 4, с. 116]).

Словарь Даля зафиксировал обычаи, которые являются принципиальным этнокультурным показателем: если кого-то хотели наказать или опозорить, с него насильно снимали головной убор и таскали за волосы:

Таскать кого-либо, трепать за волосы и бить, задать потасовку [1: т. 4, с. 402]. Задать надируху, оттрепать за волоса [1: т. 4, с. 410]. Косматить кого, взбивать космы, распускать кому волоса; срывать с бабы платок [1: т. 1, с. 175].

Женщине после замужества следовало покрывать голову платком или надевать головной убор (кичку, повойник и т. д.), ходить на людях простоволосой не полагалось, иначе это навлекало на нее позор:

Простоволосая баба, без платка; простоволоска незамужняя, и вольного поведения, самокрутка; иногда расплетает косу надвое, но платка не носит [1: т. 3, с. 534].

Опростоволосить бабу, сорвать платок с головы, что считается позором; встарь полагалась за это бесчестье особая кара, пеня; снять с мужика всенародно шапку также считалось бесчестьем и означало вора. Опростоволоситься, о бабе, снять с себя головной убор, платок; опозориться, осрамиться [1: т. 2, с. 707].

В современном русском языке в активном запасе сохранилось разговорное, шутливое слово с актуальной негативно-оценочной семой — *опростоволоситься*,

которое означает «оказаться в неприятном, смешном и т. п. положении, допустив грубую ошибку, промах, оплошность».

Главной женской прической была коса — ею гордились, ее украшали и старались сделать как можно более длинной и толстой:

Она щеголяет волосами, косой, славится и сама ими тщеславится, выставляя их напоказ [1: т. 4, с. 674].

Коса также имела символический смысл и многое могла сообщить о ее обладательнице. Так, до замужества девушки носили одну косу. Перед свадьбой, на девичнике, подруги или сестры расчесывали девушке волосы и заплетали две косы:

Глазки (калужск. две родные или двоюродные сестры невесты) <...> после венца заплетают молодой волосы в две косы и надевают повойник (Наумов) [1: т. 1, с. 361].

Расчесывать косу (свдбн. обряд), окрута, уборка головы невесты, расплетать косу [1: т. 4, с. 116].

Если же замужняя женщина продолжала носить одну косу, это не поощрялось:

Однокоска (бранное) замужняя, плетущая волосы, вопреки обычаю, в одну косу [1: т. 2, с. 674].

У мужчин также существовал связанный с волосами обряд — постриг: когда мальчику исполнялось три года, его впервые стригли «общую для взрослых стрижкою (в скобку, или круглую, с гуменцем, или казачью, под айдар)» [1: т. 1, с. 357] и сажали на коня. Так происходил ритуальный переход в отрочество, мальчик становился полноправным членом мира взрослых — будущим работником, воином, защитником.

Таким образом, волосы приобретали еще одну символическую функцию — они олицетворяли честь и достоинство их обладателя, на которые никто не имел права покушаться.

Немаловажным представляется отношение к цвету волос в русской культуре:

Русский народ русский народ [1: т. 4, с. 116].

Эталоном красоты была девушка с русой косой:

Пошла руса-коса из кута по лавочке, свадебн. Свет моя руса коса, моя девья краса [Там же].

Люди со светлыми волосами оценивались положительно, в отличие от темноволосых и рыжих:

С черным в лес не ходи, с рыжим бани не топи [Там же, с. 612]. С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи [Там же, с. 119].

Так, качества, приписываемые цвету, переносились на человека. «Чужие», необычные цвета вызывали опасения и не внушали доверия, что отражалось и на отношении к людям.

Подводя итог, отметим, что для русской языковой картины мира волосы не являются ключевым концептом, однако стереотипы, символы, образы, эталоны, связанные с ними, отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются этноспецифичными.

Волос выступает как метрический эталон в сознании носителей русской культуры. Это — мельчайшая неделимая единица, «атом» пространства и «клетка» человека. В образе волоса заложена и идея хрупкости.

Будучи не самой большой ценностью человека, волос противопоставляется голове в целом, проигрывая ей в важности: голова может быть и без волос, а волосы без головы теряют всякий смысл. По народным представлениям, существует обратная зависимость между длиной волос и интеллектуальными способностями человека.

С волосами связана идея о порядке (как части мироустройства) в облике человека: волосы должны быть ухоженными, причесанными, подстриженными, у женщин — заплетенными в косы. Волосы в целом и коса в частности становятся символом чести и достоинства их обладателя. Таким образом, волосы оказываются, во-первых, способом поддержания порядка в мире, а во-вторых, идентификатором нарушения этого миропорядка.

Библиографический список

Источники

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980.

Литература

2. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

3. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. Вып. 19. Б. м. и., 2001. С. 5–19.

4. *Крейдли Г.Е., Хесед Л.А.* Волосы как объект семиотической концептуализации тела // *Litera*. 2016. № 3. С. 75–92.

Справочные и информационные издания

5. *Крысин Л.П.* Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2012. 416 с.

6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

7. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.

References

Istochniki

1. *Dal' V.I.* *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t.* M.: Rus. yaz., 1978–1980.

Literatura

2. *Gudkov D.B., Kovshova M.L.* Telesny'j kod russskoj kul'tury': materialy' k slovarju. M.: Gnozis, 2007. 288 s.
3. *Krasny'x V.V.* Kody' i e'talony' kul'tury' (priglasenie k razgovoru) // *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: sb. st. Vy'p. 19. B. m. i., 2001. S. 5–19.*
4. *Krejdlin G.E., Xesed L.A.* Volosy' kak ob'ekt semioticheskoj konceptualizacii tela // *Litera. 2016. № 3. S. 75–92.*

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. *Kry'sin L.P.* Sovremenny'j slovar' inostranny'x slov. M.: AST-Press, 2012. 416 s.
6. Bol'shoj tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998. 1534 s.
7. Bol'shoj frazeologicheskiy slovar' russkogo yazy'ka / otv. red. V.N. Teliya. M.: AST-Press kniga, 2006. 784 s.

O.G. Zgirovskaya

**Somatic Code of Culture in the «Explanatory Dictionary
of the Living Great Russian Language» of V.I. Dahl**

The article considers the somatic code, analyzes the ways of linguistic representation of the «Hair» concept in the «Explanatory dictionary of the Living Great Russian language» by V. Dahl, presents conclusions concerning the ways of fixing the culturally significant information.

Keywords: lexicographic presentation of culture; somatic code of culture; cultural component; The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language of V.I. Dahl.